

ЛУШНИКОВ
Дмитрий Александрович
доктор социологических наук,
профессор, профессор, Северо-
Кавказский федеральный
университет, Ставрополь, Россия
keremet2000@mail.ru

LUSHNIKOV
Dmitry Aleksandrovich
Grand PhD in Sociological
sciences, Professor, Professor,
North Caucasus Federal
University, Stavropol, Russia
keremet2000@mail.ru

Рефлексивное управление формированием образа врага/Reflexive control of the formation of the enemy image¹

Аннотация

Работа посвящена некоторым аспектам конструирования и деконструирования образа врага в социальных конфликтах. В первую очередь, рефлексивному управлению формированием образа врага, которое рассматривается через использование механизмов морального исключения, морального мандата, инфрагуманизации и дегуманизации, угрозы принятия стереотипа, культурно-идеологического и информационно-коммуникативного превосходства.

Ключевые слова

Образ врага; моральное исключение; моральный мандат; инфрагуманизация; дегуманизация; угроза стереотипа; культурно-идеологическое и информационно-коммуникативное превосходство.

Abstract

The work is devoted to some aspects of constructing and deconstructing the image of the enemy in social conflicts. First of all, the reflexive management of the formation of the enemy's image, which is considered through the use of mechanisms of moral exclusion, moral mandate, infrahumanization and dehumanization, the threat of stereotype acceptance, cultural-ideological and information-communicative superiority.

Keywords

The image of the enemy; moral exclusion; moral mandate; infrahumanization; dehumanization; stereotype threat; cultural-ideological and information-communicative superiority.

Для адекватного оценивания мотивации и поведения оппонента в ситуации тех или иных масштабных социальных конфликтов, необходимо избавиться от иррационализации и мифологизации его образа. Здесь мы сталкиваемся с одним из механизмов деконструирования образа врага – чтобы победить Врага (в определенной степени, это означает избавление от власти этого образа) надо преодолеть сложившиеся

¹ Работа подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-011-00237/20 «Деконструирование образа врага в современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтах»

понятные и удобные для восприятия, но ограничивающие когнитивные и эмоциональные рамки, «победить себя», иметь мужество прямо посмотреть на ситуацию не через мифологизируемый нарратив, а через те факты, которые игнорируются, подавляются, вытесняются из сознания. Способность прагматично, незэмоционально, «на языке цифр» размышлять о факторах и протекании конфликта позволяет понимать врага, его мотивы, ценности, которые его ведут и нормы, которые его ограничивают.

В случае деконструирования, образ врага как бы разоблачается, с него снимается пелена эмоциональности, он дестереотипизируется и персонифицируется, мифологизация сменяется демифологизацией. Общество должно посмотреть на своего бывшего Врага как на рационально мыслящего, «по-своему правого», «имеющего человеческое лицо», имеющего собственную «сложную историю и правду», «со своей болью» и т.п.

Понимание мотивов и действий врага дает возможности более адекватной интерпретации его действий и предвосхищения его поведения. В свою очередь, более адекватная интерпретация действий и прогнозика поведения позволяет перейти от реактивного реагирования на действия врага к активному влиянию на его сознание и поведение, либо прямо, либо косвенно. Например, в стиле «рефлексивного управления» В.А. Лефевра, который интерпретировал его как: «Процесс передачи оснований для принятия решения одним из противников другому мы называем рефлексивным управлением. Любые обманные движения, провокации и интриги, маскировки, розыгрыши, создание ложных объектов (и вообще ложь в любом контексте) представляют собой реализации рефлексивного управления»¹. То есть рефлексивное управление предполагает передачу оппоненту оснований для принятия определенного решения в наших интересах. Возникает вопрос, что будет являться основной и конечной целью рефлексивного управления процессами формирования и внедрения в массовое сознание образа врага в ситуации различных видов социальных конфликтов?

При конструировании и внедрении в массовое сознание образа врага используется усиление эмоциональности, попытки «вывести на эмоции», нарушить эмоциональное равновесие, исключить критическое мышление и добиться эмоциональной лабильности. В современной пропаганде этот механизм иллюстрируется явлением «постправды» (post-truth), созданием информационного потока в СМИ, уводящего от рационального восприятия происходящего в сторону его эмоциональной оценки. Демонизируемый Другой выводится за рамки рационального понимания в сторону иррационального восприятия. Но данный трансфер должен быть закреплен, так как человеческий мозг нацелен на экономию энергии и агрессии, ему физиологически удобно сужать когнитивные рамки и воспринимать иное в качестве

¹ Лефевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта. – М., 1967. С.36.

устойчивых сложившихся форм. Поэтому чтобы добиться более выраженной эмоциональной оценки и закрепить ее в поведении Враг должен подвергнуться «стереотипизации» и «деперсонификации», в его отношении должен быть выработан устойчивый стереотип, носящий безличный характер. Помимо этого, он должен подвергнуться «моральному исключению», то есть его поведение, ценности и нормы должны быть признаны не адекватными нашим и он должен быть выведен за границы нашей комплементарной среды, как аутсайдер выводится за границы малой группы.

М. Майэс пишет о роли «моральных и ценностных конфликтов» в процессе дегуманизации политических оппонентов, сильные чувства ненависти и отчуждения, которые они вызывают, обуславливают увеличение психологической дистанции между группами, ведущей к «моральному исключению»¹. В качестве как причин, так и следствий морального исключения выступают маргинализация и дегуманизация Другого. Первоначальной стадией маргинализации выступает идентификация, и, в конечном итоге – эксклюзия оппонента за рамки ингруппы и его последующая дегуманизация.

М. Майэс рассматривает моральное исключение как следствие активации инстинктивного драйвера определенного психического процесса, который связан с социальной идентификацией индивида и группы. В свою очередь, данная идентификация основана на биологических механизмах межвидового и внутривидового различения, кодировке признаков бинарной оппозиции «свой-чужой». Как следствие, дефиниция морального исключения предстает как психологический механизм идентификации и селекции с одной стороны и восприятия/оценивания собственной ингруппы с другой стороны, которое выражается в естественной склонности членов одной группы рассматривать свою группу и ее ценностно-нормативную среду как превосходящую относительно другой группы. Естественным образом моральное исключение алгоритмически переводит ингруппу в статус референтной группы и повышает уровень ее внутренней сплоченности.

Моральное исключение Другого переводит его во Врага и дает индивиду/группе/обществу «моральный мандат» рассматривать его за рамками своей ценностно-нормативной среды. З. Гинер-Соролла, Б. Лайднер и Е. Гастано в своих рассуждениях о процессе «демонизации», рассматривают его успешность через формирование особого «морального мандата», который идентифицирует другую группу как зло и оправдывает в ее отношении различные социальные санкции. В ходе процесса демонизации оппонента происходит его моральное исключение, формируется особый моральный мандат, дающий индивиду/группе/обществу некое конвенциональное право к

¹ Maiese M. Dehumanization. Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: July 2003. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/dehumanization> (дата обращения: 19.09.2018).

его публичному порицанию и применению различных репрессивных практик. Как отмечают З. Гинер-Соролла, Б. Лайднер и Е. Гастано: «При демонизации жертвы снимаются с морального рассмотрения и рисуются не как роботы или животные, а как злоумышленники, заслуживающие наказания и смерти»¹.

Нельзя не отметить сходство механизмов морального исключения и делегитимации. С одной стороны, моральное исключение проявляется как частный механизм на начальной стадии процесса делегитимации, когда индивид/группа сепарируют некогда легитимную часть своей социальной реальности и выводят ее за рамки своей ценностно-нормативной нормальности. С другой стороны, моральное исключение есть и определенный результат делегитимации, ее финализирующий атрибут – делегитимировано то, что морально исключено.

Также моральное исключение генетически вписано в механизм инфрагуманизации в качестве механизма легитимации ценностно-нормативной среды ингруппы, относительно аутгрупп. Под «инфрагуманизацией» в ее интерпретации Л. Ж.-Ф. Лейнсом, понимается естественная установка на зооморфизацию и, как следствие, дегуманизацию аутгрупп: «Инфрагуманизация аутгрупп предполагает рассмотрение их как в меньшей степени человеческих и более звероподобных, чем ингруппа, которая воспринимается как в сущности человеческая»². Следовательно, в ситуации конфликта Враг лишается признаков человечности, его родовая сущность человека отрицается.

С манипулятивной точки зрения, завершенной целью рефлексивного управления поведением врага является принятие им навязанной нами роли, он должен подтвердить сформированный в нашей ингруппе (обществе) стереотип. С позиции групповой динамики (К. Левин), член малой группы должен принимать свою позицию и сопутствующие ей нормы, так, к примеру, аутсайдер, находящийся за пределами ядра группы (то есть ее равноправных членов), почувствовав напряжение, может попытаться его разрядить какой-либо клоунской выходкой. Студенты посылают аутайдера за несуществующей справкой в деканат, устав записывать и внимать информацию добиваются от него каких-либо нарушений порядка во время лекции, вербально или физически вымещают на нем собственную агрессию и т.п.

Принимая свою роль, индивид попадает в ловушку, которая называется эффектом «угрозы подтверждения стереотипа» (stereotype threat), он начинает ему соответствовать и подстраивает свое поведение под рамки этого образа. Он понимает, что большинство студентов

¹ Giner-Sorolla R., Leidner B., Castano E. Dehumanization, demonization, and morality shifting: Paths to moral certainty in extremist violence. In: Hogg, Michael A. and Blaylock, Danielle L., eds. Extremism and the psychology of uncertainty. The Claremont Symposium on Applied Social Psychology. Wiley-Blackwell, 2011.

² Leyens J.P., Demoulin S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // Social Issues and Policy Review, 1 (1). 2007.

в группе не считают его ровней себе и за выходку на лекции он будет наказан, но группе требуется снять напряжение и его выход на сцену будет оценен большинством с облегчением. Ироничный смех группы над его выходкой, их одобрительные взгляды, заставляют думать, что окружающие принимают его за своего, оценивают его поступок как поступок полноценного члена группы.

Формируя образ врага, мы в идеале должны добиться над ним власти этого образа. Оппонент должен принять ту позицию и те нормы, которые определили для него в рамках нашей ингруппы. Принятие нами выработанного образа врагом есть определенное согласие/смирение с ним, что уже является существенной победой в противостоянии и вершиной непрямого, рефлексивного управления. Как следствие, принимая навязываемую позицию/образ/стереотип оппонент принимает и наши нормы, доминирование которых утверждает наше культурно-идеологическое и ценностно-нормативное превосходство. Образы успешного Запада, эффективной рыночной экономики и частной собственности в купе с собственным уничижением, восприятием себя как отсталого общества явились всадниками Апокалипсиса для советского строя.

В. А. Лефевр афористично иллюстрировал рефлексивное управление фразой братца Кролика из известной детской сказки: «Делай со мной что угодно – только не бросай меня в терновый куст». Применим ироничный парафраз в стиле Кролика, Запад как бы говорил СССР: «Ты силен, дисциплинирован, привык к ограничениям и отвержен своей идеологии, поэтому эти великолепные машины и джинсы наверняка тебе не нужны». Понимание того, что в благополучные брежневские годы в СССР сформировался массовый потребитель, которого легко искушать образами и проявлениями товарного изобилия, «свободы», разнообразия возможных образов и стилей жизни западного общества потребления, явилось тем механизмом, который в конечном итоге заставил советское общество принять тот образ и ту роль, которую отвел ему враг в лице «коллективного Запада».

Формирование представлений о западном потребительском социально-экономическом рае подкреплялось его культурной индустрией, в рамках которой ретранслировались притягательные ценности и нормы, становившиеся референтными для определенной части советского общества.

Важным переходным механизмом к принятию врагом требуемой нами роли является прецедентное признание им своей неправоты и вины за какой-либо инцидент, являющийся одним из оснований его мифологизированной идентичности. Для СССР времен Перестройки в качестве подобных инцидентов, начинавших консервным ножом вскрывать культурно-идеологические основания советского строя, были использованы «завещание Ленина», сталинские репрессии, «Катынское дело» и др.

Следовательно, декларируемое и/или реальное культурно-идеологическое превосходство должно сопутствовать целенаправленной стратегии конструирования и внедрения в массовое сознание образа врага. Биологическая статусно-ролевая детерминация здесь также вполне явственна, мы должны показать другим общественным приматам, что мы «круче», мы выше по рангу, с нами соглашается большинство и поэтому мы «правы». Достижение и/или декларация культурно-идеологического и информационно-коммуникативного превосходства это один из механизмов легитимации своей позиции в ситуации конфликтного противостояния. Информационно-коммуникативное превосходство базируется на формируемом тематическом потоке в СМИ и новых медиа, который должен перебивать в массовом сознании повестку оппонента и порождать эффект принятия нашего мнения большинством. Если культурно-идеологическое превосходство должно показывать, что мы «правы» и с этим «все соглашаются», то информационно-коммуникативное, что о нашей правоте «все говорят».

Все вышесказанное в определённой степени позволяет нам ответить на ранее сформулированный исследовательский вопрос, что может являться основной и конечной целью рефлексивного управления процессами формирования и внедрения в массовое сознание образа врага в ситуации различных видов социальных конфликтов?

Процесс рефлексивного управления формированием образа врага предполагает передачу ему оснований для принятия той роли, которую мы ему отвели. В конечном, идеализируемом нами состоянии, он должен желать избавления от эксклюзии и морального исключения, которое невозможно без некоего «покаяния» и «признания вины за...», то есть сначала внутреннего, а потом с неизбежностью и публичного признания своей неправоты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лefевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта. – М., 1967. С.36.
2. Maiese M. Dehumanization. Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: July 2003. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/dehumanization> (дата обращения: 19.09.2018).
3. Giner-Sorolla R., Leidner B., Castano E. Dehumanization, demonization, and morality shifting: Paths to moral certainty in extremist violence. In: Hogg, Michael A. and Blaylock, Danielle L., eds. Extremism and the psychology of uncertainty. The Claremont Symposium on Applied Social Psychology. Wiley-Blackwell, 2011.
4. Leyens J.-P., Demoulin S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // Social Issues and Policy Review, 1 (1). 2007.

REFERENCES

1. Lefebvre V. A., Smolyan G. L. Algebra of conflict [*Algebra konflikta*]. - M., 1967. S. 36.

2. Maiese M. Dehumanization. Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: July 2003. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/dehumanization> (дата обращения: 19.09.2018).
3. Giner-Sorolla R., Leidner B., Castano E. Dehumanization, demonization, and morality shifting: Paths to moral certainty in extremist violence. In: Hogg, Michael A. and Blaylock, Danielle L., eds. Extremism and the psychology of uncertainty. The Claremont Symposium on Applied Social Psychology. Wiley-Blackwell, 2011.
4. Leyens J.-P., Demoulin S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // Social Issues and Policy Review, 1 (1). 2007.